

1904 ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ-ГУМАНИСТ 1954

Волнующие встречи

Среди встреч с А. П. Чеховым у каждого из нас, стоит только припомнить, непременно есть самая яркая, самая волнующая встреча. У одного она произошла в театральном зале, у другого в прифронтовом госпитале, у третьего совсем недавно в передвижном общежитии в степи южнее Барнаула...

У меня такая особенно памятная встреча с Чеховым произошла несколько лет тому назад на дальневосточном аэродроме. Я работал тогда врачом на авиабазе и как-то после затянувшегося собрания возвращался домой глубокой ночью. Ночь была звездная и тихая. С бухты от воды веяло влажным теплом. Звук разослился далеко и необыкновенно отчетливо...

Я решил заглянуть к «дежурным средствам» и направился к домику, одиноко стоящему у края аэродромного поля. В комнате у стола сидели летчики. Лейтенант Костя Петров читал вслух книгу.

— Садись, доктор, послушай, — шепотом произнес один из пилотов и глазами указал на лавку.

Я присел. Вслушался. Костя читал «Три сестры». Лица летчиков были сосредоточены и задумчивы. А Костя читал и читал — просто, не повышая голоса, и только глаза у него то расширялись, светились, то вдруг гасли: их наполняла боль. Иногда Костя останавливался, доставал из портфенга папиросу, но никто из нас не нарушал тишину: мы молча ждали, когда он прикурит и продолжит чтение. Драма трех сестер, тоскующих по настоящему человеческому счастью, волновала и была нам понятна.

Когда Костя кончил читать, летчик, предложивший мне присесть и послушать, сказал:

— Пусто жили, бесцельно, глупо и скучно! А люди-то какие, чорт возьми, красивые люди!

В эту ночь мне так и не удалось выспаться. В шесть утра по тревоге я прибыл с санитарной машиной на старт. «Дежурные средства» уже были в воздухе. Я стоял у машины и смотрел в бледное, рассветное небо. В семь часов самолеты возвращались. Я снова встретился с Костей Петровым.

— Ну как? — спросил я у Кости.

— Порядок! — ответил он, улыбаясь. — Побродили маленько. Тревога-то — учебная. — И вдруг став серьезным, добавил:

— А я, знаешь, там, — он кивнул на небо, — о Маше думал, об Ирине и об Ольге... О Чехове!

Я промолчал и не сказал ему, что, ожидая их возвращения, тоже думал о Чехове и еще о том, что стоящий сейчас рядом со мной мой однополочник и поодок Костя Петров и есть тот самый сильный и прекрасный человек, о приходе которого так страстно мечтал Антон Павлович.

Над бухтой, медленно набирая высоту, поднималось розовое солнце. На склонах сопки цвели яркие, величиной с кулак, тасканные тюльпаны...

Еще об одной встрече с Чеховым мне хочется рассказать. Она произошла тогда, когда я сам начал писать. Я перечел письма Чехова. В этих гениальных в своей простоте документах выражены те высокие требования, которые предъявлял Антон Павлович к людям, занимающимся литературным трудом. Чехов советовал своему брату-писателю не спешить и тщательно работать над каждым рассказом. Чехов требовал от писателя прежде всего умения наблюдать. Чехов печалился о тех, кто садился писать, не изучив досконально, до тонкости окружающую жизнь, и негодовал на них.

Учась у Чехова, мы, вступающие в литературу, должны сознательно овладеть ей все свои силы. Все! Без остатка!

Великий гуманист и жизнелюбец, исключительный знаток психологии и неутомимый труженик, А. П. Чехов никогда не был сторонним наблюдателем жизни. Он любил своих положительных героев и твердо верил, что мир пришибовых и белыхых рухнет окончательно и бесспорно!

Учась у Чехова, мы, вступающие в литературу, должны активно бороться в жизнь, должны создавать произведения, которые бы не только читались, но и волновали читателя, утверждая красоту и величие нашей советской жизни!

П. БЕЛОБОРОДОВ,
писатель

Любимые книги

Я еще не умел читать, но уже знал несколько произведений А. П. Чехова. Их мне неоднократно читала мать. Рассказы эти мне очень нравились, а судьба маленького Ваньки Жукова, попавшего в ученье в сапожнику, волновала до слез.

Потом, когда я пошел в школу, я прочитал еще много различных произведений великого писателя. Среди них были рассказы, заставлявшие от души смеяться («Злой мальчик», «Лошадина фамилия», «Хирургия»). Другие же, наоборот, пробуждали чувство омерзения и ненависти к тупым, трусливым и жестоким прислушникам самодержавия («Человек в футляре», «Унтер Пришибеев», «Хамелеон»).

Кроме того, я видел ряд произведений А. П. Чехова на экране — «Маска», «Свадьба», «Медведь». Кинофильмы помогали мне еще глубже познакомиться с содержанием этих произведений.

А. П. Чехов писал: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Мне кажется, что вся молодежь должна стремиться быть именно такой, отвечать этому идеалу.

Я работаю съемщиком с колодок на фабрике № 1 «Пролетарская победа». Я тоже начал путь рабочего с ученика. Но мое

В одном из своих писем Чехов, уже известный писатель, говорил, что следовало бы создать рассказ о том, «как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченый... как этот молодой человек выдвигается из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая».

Борьбой с этим «рабским», за утверждение и развитие подлинно человеческого, светлого, чистого и было все творчество Чехова, великого писателя-гуманиста.

В приведенном выше отрывке из письма Чехов говорил о самом себе, о тех невыносимо тяжелых условиях, в которых протекали его детские и юношеские годы. Сын мелкого бакалейного торговца из крепостных крестьян, Чехов, по его собственным словам, в детстве не знал детства. Утомительные часы в отцовской лавке, бесконечные спевки церковного хора, которым руководил его отец, тупая казенщина, царившая в гимназии, а потом, после разорения отца и отъезда семьи в Москву, бедность по грошовым урокам, поиски случайных заработков — таково было начало жизненного пути будущего писателя.

Через все творчество пронес он неистребимую ненависть к пошлости, ко всему, уродующему и калечащему души людей. До конца своих дней сохранял писатель светлую мечту о прекрасном, гармоничном человеке, о жизни, не похожей на то серое, томительное существование, которое наблюдал он вокруг себя. На литературное поприще Чехов вступил в тяжелое время реакции 80-х годов. Вслед за «Письмом к ученому соседу» появляются в печати десятки других чеховских миниатюр. Наряду с рассказами, проникнутыми острым сатирическим звучанием, были здесь и такие, в которых на первом плане стоял тот или иной забавный случай, смешное происшествие. Но, взятые вместе, те и другие рисовали страшную картину пустой, бессмысленной жизни русского обывателя, говорили о заблуждении, принижении «маленького человека».

Мелкий чиновник Червяков умирает от страха, случайно чихнув на лысину сидевшего перед ним в театре генерала («Смерть чиновника»). Другой чиновник на обеде у начальника бежит вокруг стола вместе со стариком-отцом, кричит потухом, развлекая хозяина, и с радостным трепетом думает: «Быть мне помощником письмоводителя» («Торжество победителя»). Третий из подобных мелочей (этим словом, кстати сказать, писатель назвал один из наиболее сильных своих рассказов) восторженно показывает всем знакомым газету, в которой под рубрикой «Промышленность» рассказывается, что он в пьяном виде попал под извозничьи сани («Радость»). А над всем этим, как символ тупой, косной силы, царившей в стране, высится страшная фигура унтера Пришибеева из одноименного рассказа, грубого солдафона, вмешивающегося в

жизнь крестьян своей деревни, шпионажа за ними, навязывающего им свою волю.

Одним из попыток противопоставить пошлости и грязи обывательщины иные чувства и мысли является чудесная повесть Чехова «Степь», проникнутая бесконечной любовью к русской природе и про-

Особенно ярко духовная инертность, страх перед жизнью изображены Чеховым в рассказе «Человек в футляре».

Помимо рассказов и повестей, Чехов создает в 90-х годах ряд драматургических произведений. Перед нами проходят образы умных и благородных людей, не умеющих, однако, устроить свою судьбу, задыхающихся в мире ничтожного существования. Спивающегося одаренный доктор Астров («Дядя Ваня»); с невыносимой горечью и болью убеждается герой той же пьесы, трудолюбивый Войничский, что лучшие годы его прошли бесцельно; стремится талантливый писатель Трелев («Чайка»); не находя счастья в жизни милые, чужие сестры Прозоровы («Три сестры»).

В своих произведениях писатель не ограничивался обличением российской действительности. Чем пристальнее он всматривался в нее, чем резче ощущал ее противоречия, тем ближе подходил Чехов, честный художник и верный сын своего народа, к пониманию условий, которые порождали и питали ненавистное ему «рабье начало». И он все активнее обращался к социальным проблемам, решительнее искал ответа на вопрос, как же изменить жизнь. Отдав в свое время известную дань толстовским взглядам, Чехов уже в 90-х годах решительно выступает против идей непритворения злу, опрощения. Особенно значительной в этом отношении является повесть «Палата № 6», герой которой доктор Рагин, проповедовавший толстовские взгляды, сам становится жертвой страшного произвола. Подобно «Унтеру Пришибееву», повесть, высоко оцененная В. И. Лениным, поднимается до символического обобщения всего строя старой российской жизни.

В произведениях «Моя жизнь», «Дом с мезонином» и других Чехов решительно выступает против народнических взглядов, против распространяемой в 80-х годах теории «малых дел», призывавшей к уходу от политической борьбы и решения больших социальных проблем в сферу узкой практической деятельности.

Утверждение высокого назначения человека, страстный призыв к осмысленной жизни и составляют основной пафос чеховского творчества, проникнутого светлым оптимистическим звучанием даже там, где писатель рисует самые мрачные картины.

С мыслью о труде, как дельнейшем средстве, источнике новых сил, связывается для Чехова представление о коренной переделке жизни. «Пришло время, — говорит один из героев пьесы «Три сестры», — навигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро слет с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилая скука. Я буду работать, а через какие-нибудь 25—30 лет работать будет уже каждый человек».

50 лет минуло со дня смерти Чехова. Но пройду еще десятки и сотни лет, а творчество его всегда будет дорого людям. Чехов дорог нам своей оптимизмом любовью к России, высоким гуманизмом, устремленностью в будущее, светлой верой в человека.

Н. КАЛИТИН

Антон Павлович Чехов

стым людям, живущим в непосредственной близости к ней, как бы несущим на себе опеченное ее красоты и чистоты.

В 1890 году Чехов отправляется в путешествие на остров Сахалин. Там он детально знакомится с жизнью ссыльных, участвует в переписи населения. Путешествие, результатом которого была получившая широкую известность книга «Остров Сахалин», заставило Чехова еще больше задуматься над условиями современной ему русской действительности, еще мучительнее осознать разрыв между той жизнью, какую он видел, и той, какой она, по его представлениям, могла и должна быть.

В эти годы он изображает главным образом представителей русской интеллигенции. В образованных людях видел Чехов ту силу, которая, по его мнению, была призвана осуществлять мечту писателя об иной, прекрасной жизни. Однако как раз для значительной части интеллигенции того времени были характерны усталость и скованность, боязнь жизни, неспособность бороться даже за личное счастье, не говоря уже о борьбе за высокие общественные идеалы. И горьким утешком, беспощадным обличением душевной вялости, слабости, внутренней опустошенности интеллигенции звучат рассказы и повести Чехова.

Молодой врач, с энтузиазмом начинавший свое жизненное поприще, но постепенно превращающийся в стяжателя, червоточника, черствого эгоиста («Ионыч»); талантливый и интересный человек, бесцельно заканчивающий свою жизнь («На пути»); хорошие, честные, но робкие и вялые люди, проходящие мимо счастья, которое зовет и манит их («О любви», «Верочка»), — вот герои чеховских произведений тех лет.

Светлые образы

Ленинградский театр Комедии впервые за всю свою творческую жизнь встречается с драматургией Чехова.

Глубокая по мысли, необычайно сложная по форме, полная острых внутренних конфликтов, богатая яркими и многообразными характерами комедия А. П. Чехова «Вишневый сад» вызвала живейший интерес коллектива театра.

Наступил тот горячий период в жизни коллектива, когда все его думы, его мысли неразрывно связаны с процессом творчества, с творческим горением. Но этого мало: пьеса потребовала сложной ревизии творческих путей, непрерывных поисков нового, свежего...

Драматургия Чехова не терпит обыденности, штампов, упрощенчества, она не позволяет работать с пустыми глазами и холодным сердцем.

Особенно волнует нас судьба молодых героев этой пьесы: Пети Трофимова и Ани.

Не случайно А. П. Чехов, который глубоко понимал общественную необходимость в создании положительного образа, писал О. Л. Книппер-Чеховой:

«Я все трусил, все боялся. Меня, главным образом, пугала... недоделанность некоторая студента Трофимова. Ведь Трофимов то и дело в ссылке, его то и дело выгоняют из Университета, а как ты изобразишь сии штуки?»

Молодой артист Н. Харитонов, работающий над ролью Пети Трофимова, много читает, он тщательно изучил критические материалы, он спорит с утверждением В. Ермилова, что Петь Трофимов тоже из «недотеп».

«Недотепство» Пети Харитонов видит не в его политических и общественных взглядах — ему кажется, что Петь слишком уж верит людям, что он «немножко идеалист!», что он, быть может, излишне мягкосердечен и наивен, еще мало учен жизнью и потому ошибается. И, вспоминая о своей последней работе над пьесой В. Гюева «Сын Рыбакова», Харитонов замечает: «Вы знаете, вот после работы над Трофимовым — мне трудно играть Рыбакова: мне кажется, что я очень много глуп... И обязательно должен пересмотреть эту роль. В Трофимове я почувствовал что-то новое как актер. Чехов потребовал от меня большой правды... Спасибо Антону Павловичу — я, кажется, двинулся куда-то вперед...»

Аню играет артистка Л. Люлько. Глубоко поэтическая, нежная 17-летняя девушка, все свои годы проводившая в родовом имении, Аня вдруг резко и жестоко сталкивается с жизнью.

Имение продается за долги. Аня так любила его... Без вишневого сада она не может жить...

Петь Трофимов стремится разрушить эту рабскую привязанность:

— Вся Россия — наш сад, — говорит он. — Поймите, Аня...

Аня глубоко задумывается... Ей бесконечно стыдно за бесцельно прожитые годы.

— Дом, в котором мы живем, — давно уже не наш дом, — отвечает она. — И я уйду, даю вам слово!

Артисты Харитонов и Люлько еще и еще раз повторяют эту сцену.

Они понимают: нужно так жить, чтобы поверили, нужно искать большую правду.

И вдруг — что-то происходит, особенным светом загораются их глаза:

— Здравствуй, новая жизнь!..

Репетиция заканчивается. Уходить всем нам не хочется. — много светлого и прекрасного дают нам эти встречи с Чеховым — бессмертным талантом, великим писателем.

М. ЧЕЖЕГОВ,
режиссер

Большая школа

Замечательный русский писатель и драматург А. П. Чехов — один из самых моих любимых авторов, и я счастлива, что в жизни мне неоднократно довелось работать над образами из его произведений. Еще в студенческие годы я сыграла роль Соня в пьесе «Дядя Ваня». С большим увлечением я работала над образом этой девушки, живущей для других, отдавшей свой труд и свою жизнь на благо близких ей людей. Вера в светлое будущее возмывает ее над окружающим миром.

Еще глубже я познакомилась с Чеховым уже на профессиональной сцене, когда в спектакле ТЮЗа «Вишневый сад» мне поручили роль Ани. Спектакль, поставленный Л. Ф. Макарьевым, по-новому осмыслен постановщиком. Не любованье, не жалость об уходящем, а разоблачение мира раневских, гасовых и допыхинных является основой спектакля. Главные герои — Петь и Аня не мямлятся с окружающей их жизнью, а активно протестуют, верят в грядущее, всеми силами души тянутся к нему.

Если Соня в «Дяде Ване» терпеливо переносит жизнь и только надеется на лучшее, то Аня порывает с прошлым и полная надежды идет навстречу новому.

Сыграть Чехова — это большая школа для актера. Характеры его образов многогранны. Подлинность жизни, глубина и тонкость душевных переживаний каждого образа обогащают актера.

пирялись, светели, то вдруг гасли: их наполняла б... Иногда Костя останавливался, доставал из портфига папиросу, но никто из нас не нарушал тишину: мы молча ждали, когда он прикурит и продолжит чтение. Драма трех сестер, тоскующих по настоящему человеческому счастью, волновала и была нам понятна.

Когда Костя кончил читать, летчик, предложивший мне присесть и послушать, сказал:

— Пусто жили, бесцельно, глупо и скучно! А люди-то какие, чорт возьми, красивые люди!

В эту ночь мне так и не удалось выспаться. В шесть утра по тревоге я прибыл с санитарной машиной на старт. «Дежурные средства» уже были в воздухе. Я стоял у машины и смотрел в беднущее, рассветное небо. В семь часов самолеты возвратились. Я снова встретился с Костей Петровым.

— Ну как? — спросил я у Кости.

— Порядок! — ответил он, улынувшись. — Побродили маленько. Тревога-то — учебная. — И вдруг став серьезным, добавил:

— А я, знаешь, там, — он кивнул на небо, — о Маше думаю, об Ирине и об Ольге... О Чехове!

Я промолчал и не сказал ему, что, ожидая их возвращения, тоже думаю о Чехове и еще о том, что стоящий сейчас рядом со мной мой однополчанин и поодок Костя Петров и есть тот самый сильный и прекрасный человек, о приходе которого так страстно мечтал Антон Павлович.

Над бухтой, медленно набирая высоту, поднималось розовое солнце. На склонах сопки цвели яркие, величиной с кулак, таежные тюльпаны...

Еще об одной встрече с Чеховым мне хочется рассказать. Она произошла тогда, когда я сам начал писать. Я перечел письма Чехова. В этих гениальных в своей простоте документах выражены те высокие требования, которые предъявлял Антон Павлович к людям, занимающимся литературным трудом. Чехов советовал своему брату-писателю не спешить и тщательно работать над каждым рассказом. Чехов требовал от писателя прежде всего умения наблюдать. Чехов печалился о тех, кто садился писать, не изучив досконально, до тонкости окружающую жизнь, и негодовал на них.

Учась у Чехова, мы, вступающие в литературу, должны сознательно отдавать ей все свои силы. Все! Без остатка!

Великий гуманист и жизнелюбец, исключительный знаток психологии и неутомимый труженик, А. П. Чехов никогда не был сторонним наблюдателем жизни. Он любил своих положительных героев и твердо верил, что мир пришибебевых и беликовых рухнет окончательно и бесповоротно!

Учась у Чехова, мы, вступающие в литературу, должны активно вторгаться в жизнь, должны создавать произведения, которые бы не только читались, но и волновали читателя, утверждая красоту и величие нашей советской жизни!

П. БЕЛОБОРДОВ,
писатель

Любимые книги

Я еще не умел читать, но уже знал несколько произведений А. П. Чехова. Их мне неоднократно читала мать. Рассказы эти мне очень нравились, а судьба маленького Ваньки Жукова, попавшего в ученье к сапожнику, волновала до слез.

Потом, когда я пошел в школу, я прочитал еще много различных произведений великого писателя. Среди них были рассказы, заставлявшие от души смеяться («Злой мальчик», «Лошадина фамилия», «Хирургия»). Другие же, наоборот, пробуждали чувство омерзения и ненависти к тупым, трусливым и жестоким прислужникам самодержавия («Человек в футляре», «Унтер Пришибеев», «Хамелеон»).

Кроме того, я видел ряд произведений А. П. Чехова на экране — «Маска», «Свадьба», «Медведь». Кинофильмы помогали мне еще глубже познакомиться с содержанием этих произведений.

А. П. Чехов писал: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Мне думается, что вся молодежь должна стремиться быть именно такой, отвечать этому идеалу.

Я работаю съемщиком с колодок на фабрике № 1 «Пролетарская победа». Я тоже начал путь рабочего-ученика. Но мое ученичество не было похожим на ученье Ваньки Жукова. Мои мастера-учителя с вниманием и заботой относились ко мне, воспитывая у меня любовь к труду и к производству.

А. П. Чехов был и остается одним из моих самых любимых писателей.

О. КУБРИЦКИЙ,
съемщик фабрики № 1 «Пролетарская победа»

ским», за утверждение и развитие подлинно человеческого, светлого, чистого и было все творчество Чехова, великого писателя-гуманиста.

В приведенном выше отрывке из письма Чехов говорил о самом себе, о тех невыносимо тяжелых условиях, в которых протекали его детские и юношеские годы. Сын мелкого бакалейного торговца из крепостных крестьян, Чехов, по его собственным словам, в детстве не знал детства. Утомительные часы в отцовской лавке, бесконечные свечки церковного хора, которым руководил его отец, тупая казенщина, царившая в гимназии, а потом, после разорения отца и отъезда семьи в Москву, бедность по грошовым урокам, поиски случайных заработков — таково было начало жизненного пути будущего писателя.

Через все творчество пронес он неистребимую ненависть к пошлости, ко всему, уродующему и калечащему душу людей. До конца своих дней сохранил писатель светлую мечту о прекрасном, гармоническом человеке, о жизни, не похожей на то серое, томительное существование, которое наблюдал он вокруг себя.

На литературное поприще Чехов вступил в тяжелое время реакции 80-х годов. Вслед за «Письмом к ученому соседу» появляются в печати десятки других чеховских миниатюр. Наряду с рассказами, проникнутыми острым сатирическим звучанием, были здесь и такие, в которых на первом плане стоял тот или иной забавный случай, смешное происшествие. Но, взятые вместе, те и другие рисовали страшную картину тупой, бессмысленной жизни русского обывателя, говорили о заботности, приниженности «маленького человека».

Мелкий чиновник Червяков умирает от страха, случайно чихнув на лысину сидевшего перед ним в театре генерала («Смерть чиновника»). Другой чиновник на обеде у начальника бегает вокруг стола вместе со стариком-отцом, кричит петухом, развлекает хозяина, и с радостным трепетом думает: «Быть мне помощником письмоводителя» («Торжество победителя»). Третий из подобной мелюзги (этим словом, кстати сказать, писатель назвал один из наиболее сильных своих рассказов) восторженно показывает всем знакомым газету, в которой под рубрикой «Присшествия» рассказывается, что он в пьяном виде попал под извозчика сани («Радость»). А над всем этим, как символ тупой, косной силы, царившей в стране, высится страшная фигура унтера Пришибеева из одноименного рассказа, грубого солдафона, вмешивающегося в

стым людям, живущим в непосредственной близости к ней, как бы несущим на себе отпечаток ее красоты и чистоты.

В 1890 году Чехов отправляется в путешествие на остров Сахалин. Там он детально знакомится с жизнью ссыльно-поселенцев, участвует в переписи населения. Путешествие, результатом которого была получившая широкую известность книга «Остров Сахалин», заставило Чехова еще больше задуматься над условиями современной ему русской действительности, еще мучительнее ощутить разрыв между той жизнью, какую он видел, и той, какой она, по его представлениям, могла и должна быть.

В эти годы он изображает главным образом представителей русской интеллигенции. В образованных людях видел Чехов ту силу, которая, по его мнению, была призвана осуществить мечту писателя об иной, прекрасной жизни. Однако как раз для значительной части интеллигенции того времени были характерны усталость и скочанность, боязнь жизни, неспособность бороться даже за личное счастье, не говоря уже о борьбе за высокие общественные идеалы. И горьким упрямом, беспощадным обличителем душевной вялости, слабости, внутренней опустошенности интеллигенции звучат рассказы и повести Чехова.

Молодой врач, с энтузиазмом начинавший свое жизненное поприще, но постепенно превращающийся в стяжателя, чревоугодника, черствого эгоиста («Ионыч»); талантливый и интересный человек, бесцельно заканчивающий свою жизнь («На пути»); хорошие, честные, но робкие и вялые люди, проходящие мимо счастья, которое зовет и манит их («О любви», «Верочка»), — вот герои чеховских произведений тех лет.

Вый писатель Треллев («Чайка»); не находят счастья в жизни милые, чуткие сестры Прозоровы («Три сестры»).

В своих произведениях писатель не ограничивался обличением российской действительности. Чем пристальнее он всматривался в нее, чем резче ощущал ее противоречия, тем ближе подходил Чехов, честный художник и верный сын своего народа, к пониманию условий, которые порождали и питали ненавистное ему «рабье начало». И он все активнее обращался к социальным проблемам, решительнее искал ответа на вопрос, как же изменить жизнь. Отдав в свое время известную дань толстовским взглядам, Чехов уже в 90-х годах решительно выступает против идей непротивления злу, опровержения. Особенно значительной в этом отношении является повесть «Палата № 6», герой которой доктор Рагин, проповедовавший толстовские взгляды, сам становится жертвой страшного произвола. Подобно «Унтеру Пришибееву», повесть, высоко оцененная В. И. Лениным, поднимается до символического обобщения всего строя старой российской жизни.

В произведениях «Моя жизнь», «Дом с мезонином» и других Чехов решительно выступает против народнических взглядов, против распространенной в 80-х годах теории «малых дел», призывавшей к уходу от политической борьбы и решения больших социальных проблем в сферу узкой практической деятельности.

Утверждение высокого назначения человека, страстный призыв к осмысленной жизни и составляют основной пафос чеховского творчества, проникнутого светлым оптимистическим звучанием даже там, где писатель рисует самые мрачные картины.

С мыслью о труде, как целительном средстве, источнике новых сил, связывается для Чехова представление о коренной переломке жизни. «Пришло время, — говорит один из героев пьесы «Три сестры», — надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро слетит с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилая скука. Я буду работать, а через какие-нибудь 25—30 лет работать будет уже каждый человек».

50 лет минуло со дня смерти Чехова. Но пройдут еще десятки и сотни лет, а творчество его всегда будет дорогим людям. Чехов дорог нам своей оптимной любовью к России, высоким гуманизмом, устремленностью в будущее, светлой верой в человека.

Н. КАЛИТИН

Иллюстрации к книгам замечательного юмориста и сатирика помогают глубже запечатлеть в сознании читателей героев чеховских произведений.

Ниже мы помещаем новые иллюстрации к произведениям А. П. Чехова, выполненные художниками Кукурыниным. Слева направо: «Ванька Жуков», «Хирургия», «Горе», «Лошадина фамилия», «Дом с мезонином».

«Я все трусил, все боялся. Меня, главным образом, пугала... недоделанность некоторая студента Трофимова. Ведь Трофимов то и дело всылке, его то и дело выгоняют из Университета, а как ты изобразишь сии штуки?»

Молодой артист Н. Харитонов, работающий над ролью Пети Трофимова, много читает, он тщательно изучил критические материалы, он спорит с утверждением В. Ермилова, что Петя Трофимов тоже из «недотеп».

«Недотепа» Петя Харитонов видит не в его политических и общественных взглядах — ему кажется, что Петя слишком уж верит людям, что он «немножко идеалист!», что он, быть может, излишне мягкосердечен и наивен, еще мало учен жизнью и потому ошибается. И, вспоминая о своей последней работе над пьесой В. Гусева «Сын Рыбакова», Харитонов замечает: «Вы знаете, вот после работы над Трофимовым — мне трудно играть Рыбакова; мне кажется, что я очень много лгу... И обязательно должен пересмотреть эту роль. В Трофимове я почувствовал что-то новое как актер. Чехов потребовал от меня большой правды... Спасибо Антону Павловичу — я, кажется, двинулся куда-то вперед...».

Аню играет артистка Л. Люлько. Глубоко поэтическая, нежная 17-летняя девушка, все свои годы проведенная в родовом имении, Аня вдруг резко и жестоко сталкивается с жизнью.

Имение продается за долги. Аня так любила его... Без вишневого сада она не может жить...

Петя Трофимов стремится разрушить эту рабскую привязанность:

— Вся Россия — наш сад, — говорит он. — Поймите, Аня...

Аня глубоко задумывается... Ей бесконечно стыдно за бесцельно прожитые годы.

— Дом, в котором мы живем, — давно уже не наш дом, — отвечает она. — И я уйду, даю вам слово!

Артисты Харитонов и Люлько еще и еще раз повторяют эту сцену.

Они понимают: нужно так жить, чтобы поверили, нужно искать большую правду.

И вдруг — что-то происходит, особенным светом загораются их глаза:

— Здравствуй, новая жизнь!..

Репетиция заканчивается. Уходить всем нам не хочется — много светлого и прекрасного дало нам эти встречи с Чеховым — бессмертным талантом, великим писателем.

М. ЧЕЖЕГОВ,
режиссер

Большая школа

Замечательный русский писатель и драматург А. П. Чехов — один из самых моих любимых авторов, и я счастлива, что в жизни мне неоднократно довелось работать над образами из его произведений. Еще в студенческие годы я сыграла роль Соии в пьесе «Дядя Ваня». С большим увлечением я работала над образом этой девушки, живущей для других, отдавшей свой труд и свою жизнь на благо близких ей людей. Вера в светлое будущее возмывает ее над окружающим миром.

Еще глубже я познакомилась с Чеховым уже на профессиональной сцене, когда в спектакле ТЮЗа «Вишневый сад» мне поручили роль Ани. Спектакль, поставленный Л. Ф. Макаревым, по-новому осмыслен постановщиком. Не любованье, не жалость об уходящем, а разоблачение мира раневских, гасе-вых и лопахинных является основой спектакля. Главные герои — Петя и Аня не мирятся с окружающей их жизнью, а активно протестуют, верят в грядущее, всеми силами души тянутся к нему.

Если Соня в «Дяде Ване» терпеливо переносит жизнь и только надеется на лучшее, то Аня порывает с прошлым и полная надежды идет навстречу новому.

Сыграть Чехова — это большая школа для актера. Характеры его образов многогранны. Подлинность жизни, глубина и тонкость душевных переживаний каждого образа обогащают актера.

В настоящее время я работаю над образом Нины Заречной в «Чайке». Это пьеса о таланте, о неодолимости нового, о человеке, нашедшем свое призвание и свою дорогу в жизни. Приступая к этой новой работе, я очень волнуюсь. Хочется как можно более правдиво создать этот замечательный чеховский образ.

Н. МАМАЕВА,
артистка Театра юных зрителей

